

Ленинград и ленинградцы в жизни Сабита Муканова

Ленинград в творческой жизни Сабита Муканова занимает особое место. Здесь, на берегах Невы, началось становление Сабита Муканова как прозаика, впервые испытавшего свои силы в создании широкого художественного полотна из жизни казахского народа. Завершенный им роман «Адаскандар» («Заблудшие») стал заметным явлением в истории казахской литературы. Выявленные им в 30—40 годы в архивах и библиотеках Ленинграда материалы явились фундаментом для его пьесы и романа о Чокане Валиханове и научной монографии о нем. Дружба С. Муканова с видными советскими писателями Вс. Рождественским и П. Лукницким, выдающимся композитором и теоретиком музыки академиком Б. В. Асафьевым также зародилась в Ленинграде.

1928 год. Первый приезд Сабита Муканова в Ленинград, связанный с его поступлением в Ленинградский государственный университет. В своей трилогии «Школа жизни» Сабит Муканов пишет: «В приемной комиссии я сдал свои документы и стал студентом. В одном только мне не повезло: на, место в общежитии нечего было и надеяться. Это известие несколько омрачило мою радость, но я так изголодался по учебе, что готов был вынести любые трудности, только бы иметь возможность учиться».

И далее Сабит Муканов пишет, что с помощью товарищей из казахского землячества поселился в большом доме по ул. Плеханова на квартире старушки-немки по фамилии Киор.

Прошло почти 50 лет с тех давних времен, Сохранился ли этот дом? После неоднократных бесед с нашей мамой, а также переписки с Е. Л. Ершовой, невесткой Киор, ныне живущей на Украине, мне удалось установить точный номер дома по улице Плеханова — дом № 42, кв. 19. В свой последний приезд в Ленинград в июне 1976 г. я решил отыскать этот дом.

В один из воскресных дней я направился на поиски дома.

Улица Плеханова начинается с Невского проспекта у Казанского собора.

Иду и вспоминаю строки из письма Е. Л. Ершовой: «Если идти со стороны Невского проспекта, то наш дом по левой стороне в конце улицы, недалеко от улицы Майорова, в которую упирается ул. Плеханова... Наша квартира была на третьем этаже. Окно ваших родителей — четвертое от парадной лестницы».

Зримо себе представляю, как осенним вечером 1928 г. вошел в подъезд дома молодой студент Сабит Муканов и представился хозяйке квартиры. «Молодой человек, — сообщила мне Е. Л. Ершова в своем письме, — рассказал, кто он и по какому поводу приехал в Ленинград. Он на меня и на маму произвел хорошее впечатление. Мы посоветовались и сказали, что он может перебираться к нам».

Семья Киор состояла из пяти человек: Елизавета Георгиевна — хозяйка и глава семьи, ее сын Генрих Карлович с женой Татьяной и второй сын — Карл Карлович и его жена Елена Лукьяновна Ершова, сохранившая за собой девичью фамилию.

Особым авторитетом в семье пользовались второй сын Елизаветы Георгиевны и его жена. Это объясняется тем, что Е. Л. Ершова и ее муж К. К. Киор избрали в жизни нелегкий путь артистов, и главное — отдали свое искусство делу служения революции (сценическая фамилия Карла Карловича — Горский).

Елена Лукьяновна хорошо знала Шаляпина, Станиславского, Немировича-Данченко, повлиявших на ее творческую судьбу, наркома просвещения Луначарского, назвавшего Е. Л. Ершову актрисой революции. В такую среду попал молодой студент и писатель Сабит Муканов, к тому времени уже прошедший восьмилетнюю школу революционной борьбы. Служа революции и зная, что на смену старому миру идет новое

поколение строителей социализма из среды трудового народа, семья Киор с пониманием приняла студента и старалась создать ему все условия для учебы.

«Он очень много занимался, — пишет Е. Л. Ершова, — почти не бывал дома. Затем мы узнали, что у него есть в ауле жена и сын. Мы предложили взять жену и сына к себе. Сабит Муканович очень обрадовался этому предложению. Через некоторое время поехал за семьей, привез жену Марьям — молодую, хорошенькую женщину и замечательного мальчика. Это была хорошая семья. Мы приняли их как своих. Маленький Арстан был очень привязан ко мне и звал меня «мама Люся». Марьям тоже чувствовала нашу душевную ласку и платила тем же».

Стою в парадном и стараюсь представить себе: какими улицами, бульварами шагал здесь студент ЛГУ Муканов. Два пути его могу представить точно. Первый — по улице Плеханова в сторону Невского проспекта. Недалеко от Казанского собора, по Невскому проспекту, находится публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, без книжных хранилищ которой не обойдется ни один студент.

В 1961 году, работая в Государственном историческом архиве Ленинграда, я обнаружил на формуляре одного архивного дела, датированного 1940 годом, подпись отца. По возвращении в Алма-Ату сказал об этом ему. Он тогда меня спросил:

— А в Салтыковке ты работал?

— Конечно.

— Да, — задумался отец, — быть в Ленинграде и не поработать в его библиотеке — грех. Когда я был - студентом ЛГУ, то сколько просидел за книгами в ее залах, порою забывая о еде! Да и в последующие годы, в каждый свой приезд никогда не проходил мимо библиотеки.

Кроме библиотеки, Сабит Муканов, несомненно, пользовался своими собственными книгами. Некоторые из них сохранились. Вот их перечень: «Очерки русского революционного движения» М. Покровского; «Краткий курс истории русской словесности с древнейших времен до конца XVIII в.» В. Саводника; «Большевики и армия в 1905—1917 гг.» М. И. Ахуна и В. А. Петрова; «Столыпинская реформа» С. Дубровского; «Человек и земля», тт. I, II, III, Элизе Реклю.

Это только книги, сохранившиеся до нынешних времен.

Сабит Муканов всю жизнь был одержим стремлением к знаниям. Хорошая, полезная книга для него была настоящим праздником. И в те далекие ленинградские годы он на скудную студенческую стипендию старался создать свою библиотеку.

Второй путь студента Сабита Муканова пролегал к зданию университета. Этот маршрут можно представить следующим образом: улица Дзержинского, затем вдоль бульвара Адмиралтейского проезда, минуя Республиканский проезд и Дворцовый мост, на Университетскую набережную. Это кратчайший путь, интереснейший по числу и значению исторических памятников. Адмиралтейский проезд выводит путника на Сенатскую и Исаакиевскую площадь, к Зимнему дворцу, на аллее самого проезда — памятники выдающимся деятелям русской науки и культуры. Именно здесь, у памятника Н. М. Пржевальскому, состоялось знакомство Сабита Муканова со студентом Ахметом Жубановым, ставшим одним из основоположников казахской профессиональной музыкальной культуры.

Учеба в стенах Ленинградского университета требовала от студента максимума напряжения. И Сабит Муканов отдавал учебе всю энергию.

«Сабит Муканович, — пишет Е. Л. Ершова, — очень много работал. Материально было тяжело. Мы удивлялись такой жажде знаний. Вообще это был удивительный человек, чувствовалось, что он впитывает в себя все прекрасное...»

Обратите внимание на фразу: «Материально было тяжело...» Студенческой стипендии не хватало на трех членов семьи, на оплату арендуемой комнаты. В 1929 г. после окончания первого курса Сабит Муканов вынужден был оставить университет.

В последующие годы, уже в период учебы в Институте красной профессуры в Москве (1930—1936 гг.), и после окончания его мысль о пополнении своих знаний в научных учреждениях Ленинграда — в его архивах, уникальных музеях и богатейших книгохранилищах — не оставляла Сабита Муканова.

В 1974 году в годовщину кончины Сабита Муканова, в одном из весенних номеров газеты «Казах адебиети» я прочитал корреспонденцию журналиста Досанова о его встрече с ленинградским поэтом В. А. Рождественским. Творчество этого видного поэта широко известно читателям, и было приятно услышать от него добрые слова о Сабите Муканове, высказанные в беседе:

Пишу письмо Всеволоду Александровичу со словами благодарности и прошу выслать стихотворение, о котором поэт упомянул в беседе с журналистом. Вскоре пришел ответ:

«Уважаемый Марат Сабитович!

Рад, что могу откликнуться на Вашу просьбу — посылаю Вам свои стихи памяти Сабита Муканова.

Они были переданы мною в журн. «Октябрь» и, возможно, уже напечатаны там в № 6, которого я еще не видел.

Кроме того, они войдут в мою новую книгу стихов, которую казахстанское издательство предполагает выпустить в 1975 году.

Мне приятно оставить хотя бы малый след моего дружества с Вашим отцом, которому я многим, обязан в своем понимании народной души Казахстана. Храню о нем самую светлую память.

С ленинградским приветом
Вс. Рождественский.
27/VI-1974 г.»

Стихотворение «У озера Балхаша» было опубликовано в июньском номере журнала «Октябрь». Любовью к природе Казахстана, памятью к другу проникнуто это стихотворение. С годами потеря друга ощущается острее, чувствительнее становятся восприятия прошедших лет. Заключительные строки полны неподдельной грусти:

Но нет ни тебя, ни скитальческих дней,

А степи покрыла туманная осень...

Вот только стал запах полыни сильнеей,

И ветер его издалека доносит.

О доброй памяти друга говорит другое письмо В. А. Рождественского, присланное в ответ на мои воспоминания об отце, опубликованные в шестом номере журнала «Простор» за 1975 год.

«Дорогой Марат Сабитович!

Ваше письмо и № журнала «Простор» застали меня накануне отъезда на Волгу, где я предполагаю проводить отдых до сентября.

С интересом прочитал я Ваше воспоминание о Сабите, узнал нечто для себя новое. К Вашему отцу я всегда питал самые теплые, дружеские чувства. Великий знаток своего народа, он умел рассказывать о его жизни и обычаях поистине увлекательно. Я многим ему обязан до сих пор.

Непременно напишите книгу о Сабите Муканове. Этот замечательный человек и писатель достоин благодарной памяти не только в Казахстане.

С самыми добрыми пожеланиями
Вс. Рождественский.
1 авг. 1975 г.»

Как-то просматривая архивы отца, я обнаружил интересную запись, из которой следовало, что в 30-е годы в Ленинграде Сабит Муканов и Всеволод Рождественский задумали либретто оперы, на тему казахского эпоса, музыку к которой обещал написать выдающийся композитор и теоретик музыки академик Борис Владимирович Асафьев.

Мне сразу пришла на память книга Б. В. Асафьева «Русская музыка от начала XIX столетия», подаренная автором моему отцу, которую я видел в его библиотеке. Эта книга, несомненно, говорит о возникновении творческого содружества писателя и композитора. Но где она среди тысячи томов библиотеки? Найти мне ее не удалось.

Необходимо было восстановить подробности записи, обнаруженной в архиве Сабита Муканова, и это мог сделать единственный свидетель того времени — Всеволод Александрович Рождественский. Пишу ему письмо, сообщая о встреченной записи, и вскоре получаю ответ: «Дорогой Марат Сабитович! Я действительно вспоминаю, что в 30-х годах, когда Сабит приезжал в Ленинград и был у меня в гостях, была речь о том, что хорошо было бы создать музыкальный спектакль на темах казахского народного творчества.

Я в это время был членом художественного совета нашего Ленинградского театра оперы и балета и часто встречался там с композитором Борисом Владимировичем Асафьевым. И я решил рассказать ему о своих впечатлениях от поездки в Казахстан и о том, как много истинной поэзии в эпических народных сказаниях, например, «Козы-Корпеш и Баян-слу».

Приезд в Ленинград Вашего отца оказался очень кстати. Состоялось его знакомство с Асафьевым.

Договорились о том, что нам с Сабитом предстояло набросать первоначальный план либретто, но еще не решен был вопрос: будет это опера или балет. Асафьев склонялся к балету.

Помнится, я уже сделал какие-то черновые наброски, основывавшиеся на общих сюжетных положениях, сообщенных мне Вашим отцом, который, кстати сказать, рассказал мне несколько сказочных сюжетов казахского народного творчества. Все это было мною сообщено и композитору, который с большим интересом отнесся к предстоящей работе. Были даже готовы некоторые музыкальные эскизы.

Несомненно помню, дело должно было продолжаться так: театр соглашался заказать композитору музыку, но попросил предварительно заручиться официальным обращением Народного комиссариата культуры Казахской ССР. С этим Сабит и вернулся в Алма-Ату, и дальнейшее движение дел как-то приостановилось.

Не знаю, остались ли какие-либо материалы по работе этого тройного содружества. Где искать его следы?

Мои архивы той поры пропали в блокадном Ленинграде в то время, когда я был на фронте.

М. б. есть что в личном архиве Б. В. Асафьева, но где он? Не сохранилось ли каких-либо следов в Казахстане, в министерстве культуры тех лет?

Я могу только пожалеть о том, что память моя сохранила очень немного от этого интересного начинания. Вот все, что я могу Вам сообщить, дорогой Марат.

С приветом и добрыми пожеланиями на Новый 1976 год.

Вс. Рождественский
2 янв. 1976 г.»

Я знал Всеволода Александровича как поэта, представлял его как интересного и доброго человека по его письмам, и меня не покидала мысль о возможности личного знакомства с ним. Из его уст я, несомненно, мог бы услышать интересные сведения об отце. Эта возможность представилась в мою последнюю поездку в Ленинград в июне 1976 года.

Научная командировка подходила к концу, и за день до отъезда из Ленинграда я решил навестить друга отца. Дом, в котором жил Всеволод Александрович, в центре города на левобережье канала Грибоедова. Поднимаюсь на 5-й этаж в квартиру 100, где живут Рождественские. На лестнице встречаю женщину. Она — дочь поэта, Наталья Всеволодовна. На ее звонок дверь открыла седовласая женщина, жена поэта — Ирина Павловна и любезно пригласила в комнату.

Немного погодя входит сухощавый, стройный мужчина с седой, короткой челкой и удивительно молодыми, добрыми глазами. «Вот Вы какой, Всеволод Александрович!» — подумалось мне в первые секунды. Я представился. Радость увидел я на его лице. И может быть, в этот момент в его памяти ожили те далекие годы, когда они с моим отцом бродили по берегам Балхаша или же беседовали, гуляя по Летнему саду. Всеволоду Александровичу было тогда 82 года. Но годы наложили свой отпечаток только на внешность этого человека. Он был бодр, энергичен.

Рождественские — коренные петербуржцы (так называют себя ленинградцы, родившиеся в конце XIX—начале XX вв.). Интеллигентная семья: жена поэта Ирина Павловна до ухода на пенсию — научный работник Пушкинского дома, три дочери Рождественских — кандидаты наук. С такой семьей дружил и оставил в ней о себе добрую память Сабит Муканов.

За чаем разговор начала Ирина Павловна:

— Я хорошо знала Сабита Мукановича. Это был удивительный человек: добрейший по своему характеру, прекрасный рассказчик и собеседник, всегда жаждущий новых знаний. Хорошо я знаю и вашу маму. Скажите, она все такая же красивая? Я пожал плечами.

— Годы берут свое, Ирина Павловна, но мама у нас все такая же красивая.

— Да, — продолжала Ирина Павловна, — годы съедают здоровье, забирают из нашей среды дорогих нам людей. Ведь я хорошо знала Куляш Байсеитову. Помню приезд в Ленинград в 1936 году казахской оперной труппы и их постановку «Кыз-Жибек». Сколько поэзии, музыки, национального колорита в этой опере! Очарование! Однажды я целый день знакомила Куляш и других казахских артистов с пушкинскими местами.

Всеволод Александрович пригласил меня в свой кабинет, сказал:

—Идемте, Марат, я покажу нечто интересное.

Вдоль стен кабинета книжные шкафы, около окна небольшая конторка с откидным столиком, на стене фотография Михаила Зощенко, с которым связывала поэта творческая и личная дружба.

Всеволод Александрович снял с полки альбом. Мы стали листать страницы. И перед нами раскрывалась целая галерея выдающихся корифеев литературы: Всеволод Александровичем. Горьким (1919г.); Горький в восточном халате среди артистов; снимки, на которых Всеволод Александрович запечатлен с выдающимися советскими писателями — А. Фадеевым, А. Толстым, В. Шишковым, Б. Пастернаком; фотографии А. Ахматовой, М. Цветаевой и многих, многих других.

— А вот это для вас, — сказал Всеволод Александрович, открывая очередную страницу.

И сразу знакомые лица: А. Тажибаев среди гостей Джамбула, А. Токмагамбетов на улицах Ташкента, М. Ауэзов среди бакинцев... И около десятка фотографий моего отца. Все снимки сделаны и отпечатаны самим Всеволодом Александровичем.

Я попросил Всеволода Александровича рассказать историю снимков, связанных с пребыванием отца в Ленинграде. — Мне особенно памятен 1941 год, — начал свой рассказ Всеволод Александрович, — приезд вашего отца накануне войны, Я конечно знал об этой поездке отца. В мае 1941 г. он уехал в Ленинград для сбора! материалов, относящихся к жизни и деятельности Чокана Валиханова. Им была задумана пьеса о первом казахском ученом, и уже в течение ряда лет он по крупницам собирал сведения о нем. Наиболее интересные сведения, как он выяснил, отложились в архивах Ленинграда.

Первая поездка, связанная с задуманной темой, относится к 1939 году. Об этом говорит объемистая тетрадь-дневник, первая запись которой относится именно к этому году.

В мае 1941 г. перед началом летних каникул отец сообщил маме по телефону, что для нас, детей, он приобрел путевки в подмосковный пионерский лагерь, и сказал, чтобы нас немедленно отправили в Москву. В конце мая Арстан и я выехали в Москву, и отец,

приехавший из Ленинграда, встретил нас. Пробыв с нами несколько дней и отправив нас в пионерский лагерь, отец вернулся в Ленинград. Именно в майские или июньские дни Сабит Муканов был гостем в семье Рождественских.

— Погостив дома, — продолжал Всеволод Александрович, — мы с Сабитом отправились на прогулку по улицам и паркам города. Вот на этой фотографии мы вдвоем с Сабитом на набережной Невы, попросили прохожего сфотографировать нас. Здесь я снял Сабита сидящим на изогнутом стволе дерева у пруда в Летнем саду. Эта фотография также сделана в Летнем саду, на фоне домика Петра.— Долгие часы они провели в Летнем саду, вспоминая общих знакомых, посвящая друг друга в свои творческие планы. В конце нашей беседы Всеволод Александрович подарил несколько снимков отца. В тот период писатель работал в основном в трех научных учреждениях: Архиве Академии наук СССР, Центральном государственном историческом архиве и Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Чокан Валиханов волновал писателя в первую очередь как объект художественного повествования. Но сама личность героя произведения требовала кропотливого изучения его наследия, проникновения во время и среду той эпохи, в которой он жил. Он обнаружил переписку Чокана Валиханова с Аполлоном Майковым, Ф. Достоевским, А. Н. Пыпиным, нашел сведения, говорящие о знакомстве Чокана Валиханова с Д. И. Менделеевым, С. Ф. Дуровым. Дневник Чокана Валиханова за четыре года (1857, 1858, 1859, 1860 гг.) как нельзя лучше раскрыл перед писателем личность человека, совершившего гражданский и научный подвиг. В делах «И Сибирского комитета» писатель обнаружил сведения о жителях казахской степи, о Сибирском кадетском корпусе, где Чокан Валиханов обучался и получил офицерский чин.

Обогащенный столь интересными находками, Сабит Муканов буквально накануне войны вернулся в Алма-Ату.

В годы войны писатель активно участвует в борьбе против фашизма. Он является участником антифашистского конгресса народов Востока в Ташкенте. Гневом против фашизма, верой в нашу победу проникнуты строки его сборника стихов «Мы победим!» И еще раз произошла встреча Сабита Муканова с героическими защитниками города Ленина. В 1942 году казахстанцы менее чем за месяц собрали из своих индивидуальных запасов героям-ленинградцам 1428 тонн продовольствия, что составило 139 вагонов, разбитых на два эшелона. В составе сопровождающей делегации был и Сабит Муканов.

Эшелон был отправлен в июне 1942 г. В письме ЦК КП(б) Казахстана, Совнаркома и Президиума Верховного Совета Казахской ССР, переданном защитникам Ленинграда, говорилось:

«Пусть эти подарки напомнят вам, что наши мысли, наши лучшие чувства всегда с вами. Примите наши подарки как братскую руку помощи, как выражение нашего с вами единства, как неукротимое желание сделать все, чтобы ускорить победу над врагом...»

В послевоенные годы Сабит Муканов еще несколько раз побывал в Ленинграде, но мне особенно памятна его поездка поздней осенью 1951 г. Вернулся он дней через пятнадцать.

— Моя поездка в Ленинград, — говорил он, — была опять связана со сбором материала о Чокане Валиханове. Кажется, опять кое-что нашел. Почему я говорю кое-что? Чокан Валиханов такая личность, что каждый последующий год поисков может быть отмечен новыми находками из его жизни и творческой биографии. Но мне кажется, что имеющийся у меня материал дает мне право приступить к произведению о нем. Думаю начать с пьесы.

Так с братом Арстаном впервые мы услышали от отца о его намерении начать работу о Чокане Валиханове. Последующие годы подтвердили реальность его замыслов. Такова роль Ленинграда и ленинградцев в жизни и творческой деятельности Сабита Муканова. Конечно, здесь не все сказано о днях и годах пребывания Сабита Муканова в

Ленинграде, и будущие исследования литературоведов, несомненно, дополнят эти краткие сведения.

Муқанов М. Ленинград и ленинградцы в жизни Сабита Муқанова / Простор. – 1978. - № 5. – С.14 – 19.